

УДК 1751

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-120-127

ФРАНСУА МОРИАК И АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ОСНОВАНИЯ ДИАЛОГА

Чериф Абдельмаджид

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Нижний Новгород, Россия

Творческий диалог Франсуа Мориака (1885–1970) и А. И. Солженицына (1918–2008) — прежде всего диалог Запада и Востока о духовной жизни человека и его нравственности. Сходство их художественных миров опирается на следующие основы: человек и вера, свобода и совесть, справедливость и милосердие, власть и человеческая природа. События, происходившие в России того времени, волновали Мориака, крайне озабоченного угасанием христианской веры на Западе. Творчество его русских современников — Б. Л. Пастернака, А. А. Ахматовой, А. И. Солженицына — представлялось залогом сохранения русской культуры.

Ключевые слова: творчество; совесть; человек; духовная жизнь; техника; поэтика; Нобелевская премия; вера; роман.

François Mauriac and Alexander Solzhenitsyn: Foundations of Their Creative Dialogue

Cherif Abdelmadjid

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia,

The creative dialogue between François Mauriac (1885–1970) and Alexander I. Solzhenitsyn (1918–2008) is primarily a dialogue between the West and the East about the spiritual life of man and his morality. The similarity of their artistic worlds is based on the following foundations: man and faith, freedom and conscience, justice and mercy, and power and human nature. Various events that took place in Russia at that time worried Mauriac, who was extremely concerned about the fading of the Christian faith in the West. The work of his Russian contemporaries, B. L. Pasternak, A. A. Akhmatova, and A. I. Solzhenitsyn, seemed to him to be the key for the preservation of Russian culture.

Key words: creativity; conscience; man; spiritual life; technology; poetics; Nobel Prize; faith; novel.

1. Введение

Франсуа Мориак (1885–1970), французский писатель-католик, и Александр Исаевич Солженицын (1918–2008), советский человек и в то же время один из самых непримиримых борцов против Советского государства, на первый взгляд, имеют мало общего.

Тем не менее оба вошли в мировую литературу благодаря всемирности тематики творчества: человек и вера, свобода и совесть, справедливость и милосердие, власть и человеческая природа, добро и зло.

Начиная с 1927 года советскому / русскому читателю становятся известны основные романские произведения французского классика: «Тереза Дескейру» (1927), «Клубок змей» (1934), «Конец ночи» (1936), «Мартышка» (1955), «Дороги в никуда» (1957), «Пустыня любви» (1970), «Прародительница» / «Мать» (1971), «Подросток былых времен» (1970), «Агнец» (1983), сборник эссе «Непокоряться ночи» («В начале жизни», «Бордо, или Отрочество», «В направлении Пруста», «Молодой человек», «Черная тетрадь», «Мои великие», «Новые внутренние мемуары») (1986), «Жизнь Жана Расина» (1988), «Жизнь Иисуса» (1991), «Тереза у врача» (1996), «Тереза в гостинице» (1996), «Тайна Фронтенаков» (2002).

Впервые переведенные на русский язык в 2003 году романы Мориака были изданы в трех томах собрания сочинений. Тем не менее стоит отметить, что известные русскоязычному читателю произведения составляют лишь треть от всего романного наследия французского классика. Остаются неизвестны поэзия, литературные эссе, театральные пьесы, публицистика и мемуары Мориака. Русский «мориаковский» корпус текстов еще не сложился в пространстве русской культуры. Однако у Франсуа Мориака сложился свой круг читателей в России. Можно предположить, что А. И. Солженицын был среди них. Прямых свидетельств того, что русский писатель читал произведения Мориака, пока не обнаружено.

2. Цели и методы исследования

Цель исследования состоит в попытке соотнесения взглядов выдающихся писателей XX века на суть словесного творчества и направления всемирной литературы, одним из непеременимых условий которого оказывается диалог культур. В ходе исследования используются культурно-исторический, компаративный методы, метод пристального чтения (*close reading*).

3. Характеристика материалов и методов

В поисках поэтологического материала были изучены публицистические произведения Мориака в совокупности с корпусом его художественных прозаических произведений на французском и русском языках, а также Нобелевская речь Солженицына в окружении сопутствующих ей исторических и литературоведческих комментариев.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Будущий диалог Мориака и Солженицына начинается в 1927 году, когда ключевой роман французского классика «Тереза Дескейру» был издан на русском языке (Кирнозе 2009). Мориак не сомневался в потенциальности диалога между французским писателем и советским читателем, который суть новый человек, выживающий между техникой и верой:

*La lecture de nos romans psychologiques, on se présente assez mal ce qu'elle éveillerait chez un jeune ouvrier russe d'aujourd'hui. S'il arrivait à pénétrer dans l'oeuvre de Proust, par exemple, il croirait lire la description de mœurs d'insectes bizarres et monstrueux. Mais Proust lui-même, sans doute eût-il éprouvé la même difficulté à comprendre ce lyrisme de la production et du rendement qui anime certaines oeuvres soviétiques. Que reste-t-il de l'homme ancien dans l'homme nouveau? De nouvelles conditions économiques transforment-elles l'être humain au point qu'il ne possède plus rien en commun avec les hommes du vieux monde? Ce serait absurde de le penser. Le fond du coeur ne change pas. Ce qui change, c'est l'importance accordée, ici à la métaphysique, là à l'économique; c'est le regard tourné vers le dedans, l'oreille attentive au débat intérieur, ou au contraire un certain mépris des questions pour lesquelles il n'y a pas de solution précise, et l'obéissance à la supplication de Zarathoustra: **Mes frères, restez fidèles à la terre!** (Mauriac 1945)*

«Затруднительно представить, что пробудит в современном молодом русском рабочем чтение наших психологических романов. Если бы ему удалось проникнуть в творчество Пруста, например, он подумал бы, что читает описание нравов из жизни странных и ужасных насекомых. Но и сам Пруст, без сомнения, испытал бы затруднение в понимании лирики производственного процесса и производительности труда в некоторых советских произведениях. Что остается от старого человека в человеке новом? Меняют ли новые экономические условия человека так, что он не имеет ничего общего с людьми старого мира? Было бы абсурдным так думать. Глубины сердца не меняются. Изменяется важность, уделяемая прежде метафизике, теперь экономике; прежде — взгляд за пределы, внимательный слух к внутренней борьбе, или наоборот — некоторое презрение к вопросам, которые не имеют точного разрешения и подчинение мольбе Заратустры: **“Братья мои, оставайтесь верными земле!”**» (Здесь и далее перевод наш. — А. Ч.)

Мориак был прав — «глубины сердца не изменяются». Поэтому творчество Мориака сразу вызвало большой интерес в СССР, писатель привлек внимание прежде всего как резкий критик буржуазного общества и в то же время как тонкий знаток человеческой души.

Иван Бунин (1870–1953), тоже лауреат Нобелевской премии, написавший предисловие к русскому переводу романа «Прародительница», изданного в Париже под названием «Волчица», считал Мориака самым выдающимся французским романистом XX века. Это мнение Бунина объединило два мира русской культуры — старый и новый.

Размышляя о диалоге Мориака и Солженицына, возникает вопрос — к какой традиции русской литературы отсылает их художественный мир? Что в поэтическом мире французского писателя могло тронуть русского читателя? Где та русская струна, которую задел Мориак?

С юности французский романист открывал Россию через литературу:

Un peuple sans romanciers est un peuple inconnu. Le «général Dourakine» nous avait dès l'enfance, ouvert la vieille Russie. Il nous en avait proposé une image d'Épinal bariolée, naïve, et si vraie qu'à la sortie du collège, pénétrant dans le monde fourmillant de «Guerre et Paix» de Tolstoï, les êtres et les gens nous y étaient déjà familiers. <...> C'est l'éminente dignité du roman <...> que seul il nous livre l'âme d'un pays. <...> grâce à Gogol, à Tourguenev, à Tolstoï, à Tchekov, à Gorki, nous a ouvert le cœur de la Sainte Russie» (Mauriac 1962).

«Народ без писателей — неизвестный народ. “Генерал Дуракин” открыл нам еще в детстве старую Россию. Он предложил нам разноцветную лубочную картинку, наивную, но такую правдивую, что по выходе из колледжа, проникая в необъятную вселенную “Войны и мира” Толстого, мы легко узнавали описываемых им персонажей. Только это высокое достоинство романа <...> может открыть нам душу страны <...> благодаря Гоголю, Тургеневу, Толстому, Чехову, Горькому нам открыто сердце Святой России» (Мориак 1986: 34).

Но особенно Достоевский! Мориак открывает это имя *à l'âge (...) de quinze ans* (Mauriac 1993: 195) (в возрасте пятнадцати лет). «Достоевский будет прославлен Мориаком, — пишет Софи Оливье, — затем несколько оставлен в стороне и наконец вновь открыт в 50-е годы с публикацией “Легенды о Великом Инквизиторе” и других религиозных текстов» (Ollivier 1997: 190).

Произведения русского писателя представляют для Мориака одновременно феномен этический и эстетический, ибо Достоевский для него *fût sans doute, en dehors de la véritable Eglise, le plus passionné chrétien du XIX siècle* (Mauriac 1990: 56) / «был, без сомнения, вне истинной Церкви, самым страстным христианином в XIX веке».

«Вне истинной Церкви» указывает на мориаковскую перспективу понимания творчества Достоевского и русской культуры в целом. Эта перспектива определена у Мориака *la cause catholique / dans les «Pensées» de*

Pascal demeure la plus haute expression, qui ne finira jamais de ramener les âmes au Christ: elle est la mise en lumière, entre le coeur de l'homme et les dogmes chrétiennes d'une étonnante conformité (Mauriac 1979: 770) / «католической причиной, наивысшим выражением которой остаются «Мысли» Паскаля, которая не прекратит никогда приводить человека к Христу: именно через нее складывается между сердцем человека и христианскими догматами удивительное согласие».

Апологетический посыл «Мыслей» Паскаля помогает Мориаку выстраивать, сочетать сообразно гению своего народа, оставаться писателем порядка и ясности. В то же время влияние русского гения ощутимо в творчестве Мориака прежде всего в намеренности романиста *ne pas intervenir arbitrairement dans les destinées des personnages, ... de laisser aux héros l'illogisme, l'indétermination, la complexité des être vivants* (Mauriac 1979: 765) / «не вмешиваться в судьбы персонажей, ... оставить героям алогичность, неопределенность, сложность живых существ», и в позиции автора, «похожего на Бога» по отношению к своим персонажам. Его *porter à rechercher Dieu, l'ordre par dialogues* / «посыл к поиску Бога, посредством диалога», заимствованный у Паскаля и Достоевского, суть эстетики его творчества.

Творчество как путь к самому себе, к Христу раскрывается по-разному, в зависимости от литературных традиций и истории страны. Однако разность путей показывает сходства в онтологии поисков.

Романы Мориака появились в России в советский период русской культуры, когда, по характеристике Солженицына, «литература прерывается вмешательством силы» (Солженицын 1990: 294). Неслучайно в 1934 году Мориак опубликовал статью *Le Proust russe attendu* («Ожидаемый русский Пруст»), где указывал на то, что *Les bolchevistes recréent l'éternelle confusion entre la valeur morale et sociale des êtres et l'intérêt humain qu'ils présentent pour le romancier* (Mauriac 1934) / «большевики перевоссоздают вечное несоответствие между моральными и социальными ценностями и человеческий интерес, которые они представляют для писателя».

По Мориаку ... *toutes créature humaine, par le seul fait qu'elle est au monde, qu'elle respire, qu'elle souffre, qu'elle aime, qu'elle hait ; que ce soit sous de l'hôtel Guermantes, dans la chambre de cocotte d'Odette Swann, au fond de la cuisine des Grandet ou dans la pauvre maison d'Yonville où se consume Emme Bovary, peut susciter et a suscité des chefs-d'oeuvre. C'est affreux de penser que nous vivons dans un temps où il importe de rappeler chaque jour ces vérités premières* (Mauriac 1934).

«Каждый человек, единственно фактом своего присутствия в мире, своего дыхания, своего страдания, своей любви, своей ненависти; будь то в

отеле Германтов, в комнате кокотки Одетты Сван, в глубине кухни Гранде или в бедном доме Ионвиля, где прозябает Эмма Бовари, может вызывать и вызывал к жизни шедевры. Страшно подумать, что мы живем во времена, когда нужно каждый день повторять эти простые истины».

Мориак сочувствует последствиям, вызванным строительством нового мира в стране, *dans le pays où le Christa été aimé, adoré et servi durant les siècles* (Mauriac 1954: 98) / «где Христа так любили, восхваляли и служили [Ему] на протяжении столетий».

Он уверен, что *on ne recrée pas l'homme. Une révolution politique et sociale le modifie, elle ne le recrée pas* / «нельзя пересоздать человека. Политическая и социальная революция его изменяет, но не переделывает», и поэтому он *salue d'avance ce Proust inconnu qui peut-être aujourd'hui, dans quelque ville perdue de la Russie, étudie de l'intérieur cette humanité dont nous ne savons rien, sinon qu'elle souffre atrocement. Pour ce Proust, tout est intéressant, sauf ce qui est officiel et convenu. Rien n'est trop bas pour lui; aucun type humain ne lui semble médiocre; toute aventure est digne d'être rapportée dans la mesure où elle est révélatrice; <...> et il rendra un jour à la Russie soviétique ce que la Russie soviétique, sans l'avoir voulu, lui aura prêté. Il en proposera au monde le vrai visage. Non, rien de ce qui est spontané ne demeure étranger à ce romancier qui va naître. Il ne méprise que les mots d'ordre. Les attitudes l'intéressent en tant qu'attitudes, les masques en tant que masques* (Mauriac 1954: 98) / «заранее приветствует этого незнакомого Пруста, который, возможно, сегодня, в каком-то затерянном городе России, изнутри изучает этот человеческий мир, о котором мы ничего не знаем, даже если он [мир] жестоко страдает. Для этого Пруста интересно все, кроме того, что официально и подходяще. Ничто не унижает его интереса; ни один человеческий типаж не представляется ему посредственным; всякое происшествие достойно рассказа в той мере, в какой оно является преобладающим; <...> и однажды он вернет советской России то, что советская Россия, не желая того, одолжит ему. Он предложит миру истинное изображение. Нет, ничто живое не будет чуждым романисту, который родится. Он презреет только слова порядка. Отношения будут его интересовать как отношения, маски как маски».

Мориаку удалось приветствовать при жизни русского писателя, о котором он проповеднически рассуждал в газетной статье. В 1970 году он предложил кандидатуру Александра Солженицына Нобелевскому комитету. В свою очередь русский писатель, отдавая дань французскому коллеге, признался в Нобелевской речи: «В опасные для меня недели исключения из писательского союза — стена защиты, выдвинутая видными писателями мира, предохранила меня от худших гонений, а норвежские писатели и ху-

дожники на случай грозившего мне изгнания с родины гостеприимно готовили мне кров. Наконец, и само выдвижение меня на Нобелевскую премию возбуждено не в той стране, где я живу и пишу, но — Франсуа Мориак и его коллегами. И, еще позже того, целые национальные писательские объединения выразили поддержку мне. Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами. Но некое общее тело и общий дух. Живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества» (Солженицын 1990: 299).

Солженицын откликается и принимает эстафету Мориака в утверждении «жизни не по лжи» и пути к Абсолюту.

Католицизм Мориака и православие Солженицына исходят из одного общего христианского источника. Бог и совесть неотделимы, они суть главные опоры существования и противления злу.

Список литературы / References

- Кирнозе З. И., Фомин С. М. Франсуа Мориак на русском языке. // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. № 4. С. 152–162. [Kirnoze, Zoya I., & Fomin, Sergey M. (2009) Fransua Moriak na russkom yazyke (François Mauriac in Russian). *LUNN Bulletin*, 4, 152–162. (In Russian)].
- Мориак Ф. Не покоряться ночи. М.: Прогресс, 1986. [Mauriac, François. (1986) *Ne pokoriatsya nochì* (Do Not Surrender to Night). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Рассказы. М.: Современник, 1990. С. 294–310. [Solzhenitsyn, Aleksandr I. (1990) Nobelevskaia lekcia (Nobel Prize Acceptance Speech). In Solzhenitsyn, A. I. *Rasskazy* (Stories). Moscow: Sovremennik, 294–310. (In Russian)].
- Mauriac, François. (1934) Le Proust russe attendu. *Les Nouvelles littéraires*, 634. (In French).
- Mauriac, François. (1945) La technique et la foi. *Le Bâillon dénoué, après quatre ans de silence*. Paris: B. Grasset, 110–111. (In French).
- Mauriac, François. (1954) Un auteur et son oeuvre. Texte du discours prononcé le 10 décembre 1952 à Stockholm, lors d'un banquet donné à l'hôtel de ville. *Paroles catholiques*. Paris: Plon, 98–110. (In French).
- Mauriac François. (1962) La Russie inconnue Les chefs-d'oeuvre de François Mauriac. *Le Bâillon dénoué, après quatre ans de silence*. Tome XIII, 106–107. (In Russian).
- Mauriac, François. (1979) Le Roman. In Mauriac, François. *Oeuvres complètes*. T. II (Bibliothèque de la Pléiade). Paris: Gallimard, 765–785. (In French).
- Mauriac, François. (1990) La vie et la mort d'un poète. Examen de conscience. In Mauriac, François. *Oeuvres autobiographiques*, 56–105. (Edition établie par François Durand. Bibliothèque de la Pléiade). (In French).
- Mauriac, François. (1993) *Bloc-notes*. In Touzot, Jean (ed.). T. II. Paris: Seuil, collection «Points». (In French).

Ollivier, Sophie. (1997) Le chemin de l'aventure chez Mauriac et Dostoievski. *Nouveaux Cahiers François Mauriac*, 5, 190–210. (In French).